

УДК 821.161.1 – ЗДанилов

Т. А. Шеховцова

РОМАН С ГОРОДОМ, ИЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЕБЕ
(О РОМАНЕ Д. ДАНИЛОВА «ОПИСАНИЕ ГОРОДА»)

Т. А. Шеховцова

РОМАН З МІСТОМ, АБО ПОВЕРНЕННЯ ДО СЕБЕ (ПРО РОМАН Д. ДАНИЛОВА «ОПИС МІСТА»)

У статті запропоновано спробу герменевтичного прочитання нового роману московського прозаїка Дмитра Данилова «Опис міста» (2012). Даниловський текст інтерпретується як метароман, роман-шарада і роман-автопортрет. Простежено особливості авторської інтенціональності, виявлено зв'язок твору з кумулятивними сюжетами, які відображують глибинні архетипи людської психіки, розглянуто функції мотиву повернення, проаналізовано співвідношення того, за чим спостерігають, та спостерігача, визначено специфічні особливості образа Міста і його літературні витоки.

Ключові слова: образ Міста, архетип, мотив повернення, кумулятивний сюжет.

Т. А. Шеховцова

РОМАН С ГОРОДОМ, ИЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЕБЕ (О РОМАНЕ Д. ДАНИЛОВА «ОПИСАНИЕ ГОРОДА»)

© Т.А. Шеховцова, 2012

В статье предлагается попытка герменевтического прочтения нового романа московского прозаика Дмитрия Данилова «Описание города» (2012). Даниловский текст интерпретируется как метароман, роман-шарада и роман-автопортрет. Прослежены особенности авторской интенциональности, выявлена связь произведения с кумулятивными сюжетами, отражающими глубинные архетипы человеческой психики, рассмотрены функции мотива возвращения, проанализировано соотношение наблюдаемого и наблюдателя, обозначены специфические особенности образа Города и его литературные источники.

Ключевые слова: образ Города, архетип, мотив возвращения, кумулятивный сюжет.

T. A. Shekhortsova

LOVE AFFAIR WITH CITY, OR RETURNING TO ITSELF (ABOUT D. DANILOV'S NOVEL «THE CITY DESCRIPTION»)

In the article the attempt of hermeneutic perusal of the new novel by Moscow prose-writer Dmitry Danilov «The city description» (2012) is offered. The Danilov's text is interpreted as metanovel, novel-charade and novel-self-portrait. The features of author intentionality are tracked, the communication of the novel with cumulative plots reflecting deep archetypes of human mentality is revealed, the functions of motive of returning are considered, a correlation between the observed and the observer is analysed, the specific features of the image of the City and its literary sources are designated.

Keywords: image of City, archetype, motive of returning, cumulative plot.

С новым произведением московского прозаика Дмитрия Данилова читатели и критики начали знакомиться еще до его опубликования. Фрагменты романа были обнародованы в «Московских новостях», размещались на даниловском сайте. Автор читал отрывки из «Описания города» в московском книжном клубе «Проект ОГИ», инициировавшем цикл встреч «Перед книгой». Уже тогда появились первые отзывы: «большой текст» Данилова воспринимался как протокол эксперимента по «врачиванию избранного города в человека-наблюдателя» (О. Балла), в ходе которого происходит выявление структур «голового», очищенного существования [10]. Оценка была достаточно высокой: к примеру, А. Левкин назвал роман «совершенно удавшейся книгой» [10]. Публикация в «Новом мире» [5] вызвала новую волну рецензий, теперь уже не только положительных, но и негативных: автора обвиняли в «описательном графоманстве» [1] и многократном повторении однообразных приемов [2]. Хотя объективно-литературоведческая оценка прозы Данилова еще впереди, ясно одно: творчество писателя постепенно выдвигается из маргинальной ниши и оказывается если не в эпицентре внимания, то, во всяком случае, в поле устойчивого читательского и интерпретаторского интереса.

В данной статье предлагается попытка герменевтического прочтения даниловского романа с целью уяснения авторской художественной концепции и скрытых смыслов текста.

Сам автор расценивает свой роман как попытку «выхода из тупиков прямого высказывания и рассказывания историй» [3]. В «Описании города» линейный сюжет (история) заменен циклическим. В основу романа положен мотив встречи-возвращения: автор-повествователь после первого приезда вновь и вновь возвращается в один и тот

же город. Возвращение приобретает особый смысл – становится способом приучения-приручения (то ли себя к городу, то ли наоборот). «Встречаться будем часто, чтобы наши встречи вошли в привычку», – говорила героиня фильма «Влюблен по собственному желанию». И ей, и ее избраннику предстояло убедиться в том, что влюбиться не с первого взгляда трудно, но можно. Новый роман Данилова – это, по сути, роман с Городом. Предваряет его эпиграф, для города довольно обидный: «я знаю есть город он совсем никакой». Затем горизонты ожидания расширяются и все оказывается почти как в упомянутом фильме: «Удалось полюбить этот, прямо скажем, не самый веселый и красивый город на Земле...» [5].

«Описание города» – не только портрет провинциального городка, но и отображение процесса создания текста. Данилов с самого начала четко обозначает задачу: «Побывать в городе несколько раз, много раз. И описать его. <...> Чтобы город стал как родной. Чтобы пропитаться городом. Чтобы город вошел в печеньки» [5]. В русском языке «сидеть в печеньках» означает «надо есть сверх всякой меры». Последняя фраза романа это вроде бы подтверждает: «Надо как-нибудь сделать, чтобы больше сюда не приезжать» [5]. Однако и эту фразу, и название романа можно понимать по-разному. На первый взгляд, название намеренно банальное, «никакое» – «описание города» звучит как тематическое задание школьнику, изучающему то ли свой, то ли чужой язык. Но автор убежден: чтобы описать, нужно полюбить. Или чтобы полюбить, нужно описать. В результате Город притягивает, как наркотик, и в конце концов может подчинить себе.

Данилов описывает двенадцать (по одному в месяц) приездов в «описываемый город», или «город с другой буквы». Город усредненный: «не

очень большой, но и не очень маленький», не слишком известный, «но чтобы там все-таки что-нибудь было». Выбирает его автор не «по любви», а по расчету («Он подходит по всем критериям») и оставляет безымянным, подключаясь тем самым к богатой гоголевско-достоевско-чеховско-добычинской традиции. Город N в русской литературе стал обобщенно-символическим обозначением провинциального захолустья, убийственного в своей неизменной повседневности [8].

В европейской литературе XX века были роман-словарь и роман-кроссворд. Роман Данилова можно назвать романом-шарадой или романом-перифразом. Город, его улицы, площади, памятники и футбольные команды, гостиницы и магазины не названы, а загаданы: «гостиница, название которой совпадает с названием одного из областных центров Украины», «название этой небольшой тихой улицы образовано от названия одного из месяцев», «улица из четырех букв», «гипермаркет, название которого обозначает геометрическую фигуру», «станция <Фамилия крупного деятеля большевизма> град», «стадион, название которого обозначает мягкие ткани на лицевой части головы человека или животного» [5] и т.д. Отгадать не так уж трудно, ко всем загадкам есть общий ключ – цитатник из текстов «выдающегося русского писателя», жившего в доме 47 на небольшой тихой улице, названной в честь одного из месяцев. Из цитат ясно, что писатель – Добычин, значит, город Брянск. В тексте есть как явные цитаты из произведений и писем Добычина, так и скрытые реминисценции: «посаженный на кол» самолет-монумент стремится ввысь [5], напоминая знакомый по добычинской прозе «образец монументального искусства» – обелиск «с головой товарища Гусева на острие» [6, с. 82] («Сиделка») или собирающееся взлететь кладбищенского ангела из «Города Эн». Все три примера объединяет не только вертикальная устремленность, но и мотив смерти. Несмотря на внешние атрибуты современности, описываемый город как будто застыл, уснул мертвым сном почти на век, как спящая красавица. В нем слишком много от добычинского Брянска: маленькие жалкие домики, тихие невзрачные улицы, худосочные голые деревца, низенькие строения (у Добычина это может быть церковь, у Данилова недействующий аэропорт, но между ними нет принципиальной разницы). Не обошлось и без Большой Медведицы, которая тоже остается прежней, несмотря на то, что через нее «пролетают сразу два самолета» [5]. И хотя на месте дома, где жил «выдающийся русский писатель», – пустое место, весь город становится памятником ему.

Казалось бы, «Описание города» следует интерпретировать как роман с ключом, предполагающий «реальную» расшифровку. Однако «гиперреализм» [9] Данилова лишь внешне жизнеподо-

бен и документален, хотя автор и стремится вернуть литературе подзабытую «обязанность описания реальности» [3]. На самом деле топонимические разгадки и узнавания ничего существенного не добавят, скорее, наоборот: утратится привкус тайны, исчезнет универсальность смысла, роман перестанет быть текстом о Городе, а его главный герой утратит родство с Городом Эн или Городом Зеро. Пока бесследно исчезают его фотографии, пока слышится в нем «призрачное таращение трактора», пока завораживает его геометрия, пока он не разгадан – он каждый раз и тот же, и другой. Повествователь роняет замечательную фразу: «Автобус ехал мимо непонятно чего» [5]. Можно представить себе все, что угодно. Заметим, что концепт тайны занимает важное место в даниловском восприятии города, не случайно в одном из интервью писателя дана ностальгическая оценка прежней Москвы: «Самая, наверное, важная потеря – потеря специфической, трудноуловимой московской тайны. Москва стала более понятным, рациональным городом...» [3]. Завораживающий своей таинственной обыденностью «город на другую букву» описан в суггестивной даниловской манере, главную задачу которой автор видит в том, чтобы ввести «читателя в какое-то состояние, отличающееся от повседневного» [3].

В восприятии города важна точка зрения. Собственно говоря, героев в романе все-таки два – описывающий и описываемый, наблюдающий и наблюдаемый. Разные состояния наблюдателя порождают разные облики города: там, где поражали абсолютная тишина и ровный небесный гул, оказывается «просто пустое место». Не случаен тут и остраненный взгляд, способный увидеть новое в привычном. Это взгляд то ли ребенка (как в добычинском романе), от которого вывеска убегает за угол, и шарадное деление на слоги (<отк-рылись>) не сразу позволяет воспринять слово как целое, то ли иронично-простодушного (опять-таки добычинского) повествователя, который созерцает «памятник, изображающий голову и верхнюю часть туловища какого-то человека. Кажется, это называется “бюст”» [5]. Взгляд может быть из заоблачной высоты, причем не только на город, но и на себя самого: «если в ясную погоду <...> посмотреть вниз из иллюминатора, то можно увидеть проплывающий внизу описываемый город <...> но вот разглядеть с высоты десять тысяч метров дворик, “песочницу”, кривую скамейку и сидящего на ней человека, конечно, не получится» [5]. Вдруг проявляется некая странная и страшноватая оптика – два облака, похожие на огромные линзы, обращенные выпуклой стороной к земле: «две линзы зависли над территорией заброшенного аэропорта описываемого города» [5]. Не только человек, но и Земля оказывается маленькой и затерянной в бесконечном пространстве. Читатель остается наедине с собой, с городом, с самим собой.

не с загадкой: чьи глаза вглядываются в город, что могут они увидеть в пустоте и заброшенности?

«Неформальным» центром города, куда постоянно возвращается повествователь, становится пустое место на тихой улице, где раньше стоял дом 47. На месте дома, «в котором жил выдающийся русский писатель», все остается без изменений – «тишина и полное запустение», «уже многие десятилетия пустует это пустое место в самом что ни на есть центре города». Возвращения приобретают характер ритуала или паломничества: «Можно было, в принципе, и не приходить. Хотя, все-таки, нет, нельзя» [5]. Некий моральный императив побуждает к действию, не дает сорваться в Овраг Беспамятства. Не потому ли предпринимается и путешествие по добычинским местам: «и вот возникло намерение повторить этот путь»? Добычинский маршрут приводит в Петербург, который, как и Москва у Добычина, как-то бледен, мал и затерян на фоне города Эн, или города на другую букву, да и вообще от него почти неотличим.

Топос пустого места становится одной из важнейших составляющих городского пространства: «просто такое место, пустое», «пустое место, тишина и гул», «пустое безобразное замусоренное место», «посередине – пустое место, заросшее травой», «просто провал, пустое место». Пустота онтологична, поэтому любое ее заполнение ничего не меняет: «и люди, если и появляются в этом тихом пустом месте, производят впечатление не людей, а движущихся символов отсутствия человека» [5]. Недаром город оказывается памятником Добычину, представлявшему мир как пустую гостиную без людей и добровольно исчезнувшему из этого мира.

Кумулятивный принцип, положенный в основу романа, восходит к древнейшим мыслительным конструкциям. Город, который описал Данилов, оказывается похож на Дом, который построил Джек, – их истории основаны на повторах и возвратах, с обязательными сюжетными приращениями. Кумулятивные (или рекурсивные) сказки, по наблюдениям фольклористов, отражают глубинные архетипы человеческой психики, эксплицируя идею вечного круга жизни [4; 11, с. 342-350]; все явления в них расположены в одном ряду, время и пространство не ощущаются, а воспринимаются эмпирически (измеряются действием), мышление циклично [12]. «Город с другой буквы» включен в вечный круговорот, он бессмертен и безграничен, он вмещает все стихии, в том числе и стихию Грязи: «во рву скопится вода и мусор, потом все это засыплет снегом, потом снег растает и будет снова вода и грязь, а потом опять снег, и так далее, до скончания века» [5]. Двенадцать приездов в город знаменуют не просто годовой цикл – важно, что это число архаическое и мифологическое.

Один из финальных образов романа – петля на веревочке. «Мир ловил меня, но не поймал» – написано на могиле украинского странствующего философа Григория Сковороды. Что ловит автора, от чего он хочет спастись – от города, от повседневности, от себя самого, от мира, от жизни? Город и автор недаром «печенками» породнились – это уже родство кровное, неразрывное. В одном из эпизодов романа из рекламы ювелирного магазина возникает образ «города на цепи»: «Почему город на цепи? Город как цепная собака? Город посажен на цепь? Что это значит?» [5]. Когда выясняется, что «цепи» – множественное число, направляются новые вопросы: что же символизируют эти златые цепи – несвободу, замкнутый круг, бесконечное возвращение?

В мировой литературе вечное возвращение олицетворяет идею круговорота, цикличной повторяемости всего сущего [7, с. 141], восходящую к мифологическому мышлению. Философы разных времен, от Гераклита до Ф. Ницше и М. Хайдеггера, считали вечное возвращение высшей формой утверждения и символом приятия бытия (См., напр.: [13]). В то же время одной из вариаций оказывается мотив бессмысленного круговорота, дурной бесконечности, актуализирующий отрицательную семантику возвращения [14]. В романе Данилова учитывается весь комплекс смыслов, передающий объемность и амбивалентность бытия.

Один из главных вопросов (точнее, умолчаний) романа – вопрос, почему герой пишет – должен писать, не может не писать. Почему «должен быть описан» этот город? Только ли чтобы победить «страсть уныния, порождающую грех праздности»? Или чтобы «сделать хоть что-нибудь»? Иными словами, выйти из горизонтального положения, которое по-прежнему манит и побащает: «можно было бы даже и полежать», «была сначала идея <...> проспать в номере два дня и одну ночь», «здесь очень удобно лежать на диване» [5] и т. д. Как бы знаменуя кульминацию усилий или приближение некоего временного рубежа, двенадцатый приезд проходит под знаком ускорения: «Быстрее, быстрее, все успеть», «быстро, быстро», «быстро, быстро, успеть».

Роман был начат в день рождения автора – 31 января, а закончен 13 декабря (31 – 13 образуют кольцо, циклический образ – змея, кусающая свой хвост). Портрет города окончен, как и литературный автопортрет «сронившегося» с ним автора. Может быть, именно «общение» с этим «вечным городом» определило возвращение Данилова к мироощущению первых книг, утраченному в «Горизонтальном положении» – созерцательно-ироническому приятию жизни с ее «очарованием убожества»: «странно-прекрасная поездка», «блаженно-тревожное оцепенение», «тихо, хорошо, уми-

ротворенно». Сам город тоже в чем-то «отзеркаливает» автора, не случайно он меняется в зависимости от «состояния наблюдателя». «Совсем никакой» город становится своим, даниловским. Это его миф о городе, а для мифа как раз и характерно вечное возвращение. Но это авторский миф, значит, автор может не только ускорить время, но и разорвать цикл, проявить свою авторскую волю. Лишь в одном он не властен: город все равно останется с ним, превратившись из «описываемого города» в «Город, Который Всегда с Тобой» («...стало окончательно ясно, что <...> город вошел в печенки» [5]).

Как видим, «Описание города» воплощает многосоставную авторскую установку: это одновременно роман-шарада, метароман и роман-автопортрет. Связь произведения с кумулятивными сюжетами, отражающими глубинные архетипы человеческой психики, и мотив вечного возвращения реализуют онтологическую составляющую творческого замысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анцелевич А. Дмитрий Данилов. «Описание города» / Алиса Анцелевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kbanda.ru/index.php/literature-and-publishing-2/257-literatura/2663-dmitrij-danilov-opisanie-goroda.html>

2. Беляцкая Л. Церкви и футбол / Любовь Беляцкая [Электронный ресурс] . – Рец. на кн. : Дмитрий Данилов. Описание города. – Режим доступа : http://natsbest.ru/belyatskaya12_danilov.html

3. Беседин П. Интервью с писателем Дмитрием Даниловым. Ч. 1-2. / Платон Беседин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://blog.thankyou.ru/dmitriy-danilov/>

4. Бунчук Т. Н. Концептуальный анализ текстов традиционной культуры : Тексты Vita herbae / rei и кумулятивные сказки; актуальные слова-концепты : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Бунчук Татьяна Николаевна. – СПб., 2003. – 225 с.

5. Данилов Д. Описание города : роман /

Дмитрий Данилов [Электронный ресурс] // Новый мир. – 2012. – № 6. – Режим доступа : http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2012/6/dd1.html

6. Добычин Л. Полн. собр. соч. и писем / Л. Добычин ; [сост. В. С. Бахтин]. – СПб. : АОЗТ «Журнал “Звезда”», 1999. – 544 с.

7. Кеба А. В. Андрей Платонов и мировая литература XX века : типологические связи / Александр Кеба. – Каменец-Подольский : Абетка-НОВА, 2001. – 320 с.

8. Махаев В. Б. Уездный ужас : Образ русского провинциального города в художественной литературе 1860-1930-х годов / В. Б. Махаев [Электронный ресурс] // Строительство, архитектура, дизайн. – 2009. – Вып. 1 (5). – Режим доступа : <http://marhdi.mrsu.ru/2009-1/pdf/3Mahaev.pdf>

9. Панин И. Гиперреализм вместо постмодернизма. Писатель у диктофона [Интервью с Дмитрием Даниловым. Электронный ресурс] / Игорь Панин. – Лит. газета. – 2012. – 1 августа. – № 31 (6379). – Режим доступа : <http://www.lgz.ru/article/19544/>

10. «Перед книгой». Представление рукописи Дмитрия Данилова «Описание города» [Электронный ресурс] / Проект ОГИ. – Режим доступа : <http://kultinfo.ru/novosti/850/>

11. Пропп В. Я. Русская сказка / Владимир Пропп [науч. ред., коммент. Ю. С. Рассказова]. – М. : Лабиринт, 2000. – 416 с.

12. Смирнова С. Вот репка, которую вырастил Джек / Светлана Смирнова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.vokrugsveta.ru/telegraph/theory/1042/>

13. Хайдеггер М. Вечное возвращение равного [пер. с нем. С. Жигалкина] / Мартин Хайдеггер [Электронный ресурс] // Онтология времени. – 2000. – № 3. – Режим доступа : http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/Vech_Vozvr.php

14. Элиаде М. Миф о вечном возвращении : Архетипы и повторяемость / М. Элиаде ; пер. с фр. Е. Морозовой и Е. Мурашкиной. – СПб. : Алетейя, 1998. – 250 с.